

Януш Корчак

ПРАВИЛА ЖИЗНИ

«Самокат» для родителей

Януш Корчак

Правила жизни (сборник)

«Самокат»

1930, 1925

Корчак Я.

Правила жизни (сборник) / Я. Корчак — «Самокат», 1930,
1925 — («Самокат» для родителей)

ISBN 978-5-91759-740-9

Вот уже больше века книги Януша Корчака издаются на разных языках, и поколения читателей – от подростков до родителей и педагогов – находят в них для себя что-то важное. Наследие Корчака очень разнообразно: заметки, статьи, очерки, радиобеседы, документальные и фантастические повести и рассказы, драматические произведения. И все посвящено теме детства, взросления, отношений между поколениями. Настоящее издание включает две работы знаменитого писателя и педагога. В повести «Когда я снова стану маленьким» (1925) с героем происходит наяву то, о чем мечтают многие взрослые: он возвращается в детство. И своими глазами видит, как непросто, оказывается, детям жить в этом мире. Им во многом приходится даже тяжелее, чем взрослым. Эссе «Правила жизни» (1930) Корчак называет «научной книгой». Здесь он не столько дает советы детям, как быть в тех или иных ситуациях, сколько подводит их к пониманию того, как работают закономерности жизни. От этого зависит, каким ребенок станет, когда вырастет.

ISBN 978-5-91759-740-9

© Корчак Я., 1930, 1925

© Самокат, 1930, 1925

Содержание

От редактора	6
Правила жизни	10
Вступление	10
Самые близкие нам люди	12
Дом – квартира	15
Взрослые дома	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Януш Корчак

Правила жизни

Janusz Korczak
Prawidła życia

© Дмитрий Тюттерин, послесловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2018

* * *

От редактора

*Я размышлял о своей серенькой взрослой жизни, о ярких годах детства. Я вернулся в него, дав обмануть себя воспоминаниям.
«Когда я снова стану маленьким»*

*Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга.
«Правила жизни»*

Взрослые часто завидуют детям: «Вам-то всё легко достается. На всем готовеньком!»

Откуда у них уверенность, что жизнь детей такая простая? Или в их собственном детстве всё было идеально? Да, ребенок избавлен от необходимости зарабатывать деньги, думать о коммунальных платежах и прочих «взрослых» вещах, но это лишь видимая сторона. Внутри даже очень маленького человека постоянно идет непростая, порой мучительная работа. Он вынужден познавать сложный и многообразный мир, который идет своим путем и не ждет, когда к нему приспособятся. Ребенок на ходу осваивает пространство физическое (дом, двор, улица и т. д.) и пространство коммуникативное, то есть налаживает контакт, с одной стороны, со сверстниками, а с другой стороны – со старшими. И это нередко болезненный опыт. Ему, например, только предстоит столкнуться с тем, что для большинства взрослых он всего лишь неполноценное и сильно ограниченное в правах существо. Даже для близких, что уж говорить о чужих!

Ну а сами взрослые, похоже, напрочь забыли о том, что они чувствовали, когда были маленькими. Чтобы синхронизировать свое сознание с детским, надо как минимум взглянуть на ту или иную ситуацию со стороны ребенка, ощутить, что он чувствует. Но где этому учат? И вот вчерашние дети уже повторяют то, слышанное когда-то от старших. Воспроизводят те же стереотипы и зачастую демонстрируют полную глухоту уже по отношению к своим собственным детям.

Повесть «Когда я снова стану маленьким» и эссе «Правила жизни» были написаны с разницей в пять лет, в 1925 и 1930 годах соответственно. Это относительно мирные годы для Европы, передышка между двумя мировыми войнами. Януш Корчак, к тому времени уже очень известный педагог, писатель и публицист, наконец может заняться тем, что он любит больше всего. Он целиком погружается в работу интернатов «Наш дом» и «Дом сирот», активно разрабатывает и применяет то, что в наши дни называют новаторскими педагогическими методиками. На самом деле он просто постоянно общается с детьми, наблюдает и анализирует. Он убежден, что «воспитания без участия в нем самого ребенка не существует». Вместе с интернатскими детьми Корчак создает систему самоуправления, разрабатывает кодекс поведения и суд чести, в котором ему и самому случается держать ответ. Это сложный, непроторенный путь. Работа с детьми, как и любое интенсивное общение, – вещь летучая, требующая постоянной концентрации и рефлексии. Калейдоскоп эмоций и разнонаправленных мыслей, постоянная смена планов восприятия – всё это очень трудно удержать в сознании, а тем более обобщить, осмыслить. Одна из работ Корчака, посвященная именно фиксации педагогического процесса, так и называется – «Моменты воспитания» (1919).

Принцип научного подхода остается неизменным с незапамятных времен: любой опыт должен быть осмыслен и проверен на практике. В условиях постоянного педагогического процесса этот цикл неимоверно ускоряется, и чтобы золото наблюдений не превратилось в черепки, его надо сразу пускать в дело. Вот и о «Правилах жизни» он говорит: «Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга».

Дети открыты всему миру и очень уязвимы. Корчака очень волнует повседневная жизнь ребенка, его незащищенность. А главное – то, что любые события, которые с человеком происходят в детстве, накладывают на него отпечаток и в конечном счете формируют личность.

Как-то я спросил в классе, кем кто хочет быть. Один мальчик сказал:

– Волшебником.

Все засмеялись. Мальчик смутился и прибавил:

– Я буду, наверное, судья, как мой папа, но ведь вы спрашивали, кем я хочу быть?

Именно такой вот смех, а затем и прозвища приучают к неискренности и скрытности.

Корчак хочет предупредить, подсказать, как себя вести в той или иной ситуации. И берет для этого весь свой жизненный и педагогический опыт.

В «Правилах жизни» он идет от примеров: рассматривает разные стороны жизни, типичные ситуации, затруднительные для большинства детей. Например, как вести себя с младшими братьями и сестрами. Или с бестактными взрослыми гостями. Немного прямолинейно, но очень наглядно.

Если «Правила жизни» рассчитаны скорее на детей, то повесть «Когда я снова стану маленьким» – на взрослых. Она в буквальном смысле о том, как взрослый человек оказывается в своем детстве. Начинается всё как в сказке: человек устал от взрослой жизни и очень хочет стать ребенком. И вдруг его желание неожиданно исполняется.

Я никому не говорю, что был взрослым, – делаю вид, что всегда был мальчиком, и жду, что из этого выйдет. Всё мне как-то странно смешно. Смотрю и жду.

Итак, он снова ребенок, его родители живы и молоды, он ходит в школу, общается со сверстниками. И получает всё, что причитается ребенку. Прежде всего, свежий взгляд и обостренный интерес к жизни в любых ее проявлениях: его, как и других мальчишек, занимает ледоход на реке, уличное движение, люди, животные и так далее. А то ведь взрослые нелюбопытны.

Но в то же время герой имеет возможность оценивать всё через свое знание жизни. Трезвость и зрелый ум сосуществуют в нем наряду с обновленной, детской непосредственностью. Только он лишен спасительной детской забывчивости и незлопамятности. Его разум фиксирует то, что недоступно детскому восприятию. Это позволяет ему присутствовать одновременно в двух мирах – взрослом и детском. И дает уникальную возможность видеть всё из положения ребенка. А еще у него нет иммунитета старшинства. Он незащищен перед взрослыми. Иначе какой смысл в таком испытании?

За 30 лет до повести «Когда я снова стану маленьким» вышел фантастический роман Герберта Уэллса «Машина времени», в котором герой тоже исполнил древнейшую мечту человечества – побывать во вчера и завтра. Уэллс не просто предлагает техническую версию путешествия во времени, но, в соответствии с принципами научного поиска, пытается смоделировать сопутствующие обстоятельства. То есть подвергает мир прошлого и грядущего внимательному и критическому рассмотрению. Это не безоблачная, веселая экскурсия, а воссозданная реальность. Такова специфика жанра антиутопии: она разоблачает представления о некой идеальной эпохе, о том, что плоды технического прогресса исключительно позитивны.

Корчак разоблачает миф о безмятежности детства, да и всю систему ложных представлений взрослых о детях.

Оказывается:

Дети далеко не всегда врут.

Если их ругать, они очень сильно переживают.

Одно слово поддержки может сделать чудеса.

Их проблемы – совсем не такие ничтожные, как видится взрослому.

Принцип тот же, что и в научной фантастике: детальное реконструирование возможного из миров. Только этот мир очень хорошо знаком герою. Потому что он когда-то в нем жил.

Если следовать топологии мифа или волшебной сказки, то детство – это Острова Блаженных, Тридевятое царство, река, в которую дважды войти можно только чудом.

Так антиутопический сюжет смыкается с притчей – одной из любимых форм высказывания у Корчака. Его главная цель – сделать картинку наиболее наглядной и убедительной для взрослых.

Повесть в чем-то близка к педагогической хронике «Моменты воспитания»: записи непрерывных наблюдений за детьми во время игры, учебы, общения. Только здесь автор еще ближе к детям: он не просто наблюдает за ними, а, став на время одним из них, в буквальном смысле пропускает всё через себя, сверяет это со своим взрослым опытом, замеряет атмосферу, сравнивает и делает выводы. С интересом инспектирует все сферы жизни: дом, улицу, школу. Колоссальная работа.

Автор одновременно и исследователь, и объект изучения. Это очень в духе Старого доктора, обладавшего, помимо прочих достоинств, даром настоящего ученого-естествоиспытателя. Из тех, что всё проверяют на себе. Так было всю его жизнь: он жил в тех же условиях, что и его подопечные сироты, питался той же пищей, что и они, дышал одним с ними воздухом. Вместе с детьми он поднялся в тот товарный вагон, направлявшийся в лагерь смерти, и оставался с ними до последнего, смертного часа. Он готовил себя к этому всю жизнь. Несомненно, путешествие в детство было одним из важных этапов в процессе его постоянного саморазвития.

Пропасть между взрослыми и детьми кажется непреодолимой. Дети не понимают мотивы взрослых. Зачем заставляют учиться? Соблюдать правила? В «Правилах жизни» Корчак шаг за шагом, на основе примеров, объясняет детям, что эти правила потому так и называются, что продиктованы самой жизнью. Возможно, он не во всём прав, где-то излишне безапелляционен. Но он показывает пунктиром путь, направление, в котором надо идти, чтобы стать хорошим человеком.

Взрослым дети кажутся непредсказуемыми. Они на многие вопросы смотрят совсем иначе, и это зачастую ставит взрослых в тупик и злит. Потому что человек очень быстро забывает, как он сам был ребенком. В «Когда я снова стану маленьким» Корчак заново рисует карты детства. Пишет путеводители по детскому сознанию и мировосприятию.

Вот старший брат пытается рассказать сестренке, что такое пожар:

– погоди, я тебе сейчас нарисую.

Нарисовал пожарного в каске, шланг, всё ей объяснил. Если бы не мы, эти мальчишки ничего бы не знали. Они всё узнают от нас. Мы от старших, а они от нас. Я не знаю, что еще сказать, и говорю:

– Повтори!

– В лавке загорелась вода. Приехала полиция и разгоняла. И был огонь, и был пожар. Она думает, что огонь и пожар – это разные вещи.

– Пожар сделался от огня.

Что у нее творится в голове? Едва ли не самое главное впечатление в детстве – это невероятное нагромождение деталей. Ребенок будто бы рассматривает всё через увеличительное стекло. Он еще неопытен, не умеет соотносить масштабы событий. Часто мелкие происшествия вырастают в его сознании до уровня вселенской катастрофы, а за незначительные проступки он ожидает страшных кар. Если отец на тебя сердит или сам директор школы грозит

вызвать твоих родителей, то кажется, что весь мир пошатнулся и вот-вот разрушится. При этом взрослые ограничивают поведение ребенка массой условностей, смысла которых он зачастую не понимает. Причинно-следственные связи для него выглядят иначе или совсем неясны. Окружающий мир всё время застает его врасплох.

Что делать с замерзающим щенком, если в доме его видеть не хотят? Как быть с первым чувством любви, которое, похоже, оказывается сильнее и полнее, чем ты можешь вместить? Куда деваться от одиночества и оставленности? Для взрослых все твои переживания – темный лес, они воспринимают тебя совсем не таким, какой ты есть на самом деле.

Сказка довольно скоро оборачивается антиутопией.

Я размышлял о своей серенькой взрослой жизни, о ярких годах детства. Я вернулся в него, дав обмануть себя воспоминаниям.

Ближе к финалу становится как будто совсем грустно. Для того, кто отважится в буквальном смысле побыть ребенком, детство обернется едва ли не проклятием. Дети то и дело сталкиваются с тотальным непониманием. Взрослые обрушивают на них гнев по пустякам. По крайней мере, представления о важности тех или иных вещей у детей и взрослых совпадают до обидного редко. Взять хотя бы гипертрофированное значение, которые взрослые уделяют вещам, с точки зрения детей не таким уж и ценным. Ну, разве разбитое стекло или порванные штаны ценнее, чем, допустим, щенок?

В книге «Как любить ребенка» Корчак писал: «Усилия взрослых направлены, в сущности, на то, чтобы сделать ребенка удобным для себя».

Если вдуматься, это очень жестко сказано. Корчака нередко обвиняли в том, что он стужает краски. Но ведь правда, детей постоянно «ставят на место», бьют по рукам, подрезают крылья. Как еще достучаться до взрослых?

Ведь взрослые непременно должны увидеть, как несправедливо всё устроено: быть ребенком – это всё равно что носить клеймо неполноценного, и только по причине своего возраста. В последнее время появился такой термин, как возрастная дискриминация, и в этом безусловная заслуга Корчака – ведь он давно уже об этом говорил.

Следуя принципу «когда я снова стану маленьким», каждый взрослый может мысленно «советоваться» с собой-ребенком, и тогда очень многое становится понятным.

В финале герой с облегчением возвращается во взрослое состояние. Это приключение не приносит ему радости. Но теперь он знает о детстве всё. По крайней мере, достаточно, чтобы больше не идеализировать его и перестать смотреть свысока на проблемы детей. А еще он напивается детской непосредственностью, готовностью принимать новое. Это то, чего часто не хватает даже самым лучшим родителям и профессиональным педагогам. Читатель, прилежно прошедший эту непростую дорогу вместе с героем Корчака, тоже получает своеобразное посвящение.

Сейчас мир, казалось бы, разительно поменялся, действительность, описанная Корчаком, давно неактуальна. Но координаты детства – те же самые, что и были всегда. И каждый может их разыскать, на время снова став маленьким.

Евгений Карпов

Правила жизни

Тяжелое это дело – родиться и научиться жить.
Из «Дневника» Януша Корчака¹

Вступление

Я боялся, что на меня станут сердиться.

Скажут: «Голову ребятишкам морочит».

Или: «Подрастут, будет еще у них время обо всем этом подумать».

Или: «И так не очень-то слушаются, ну а теперь пойдут критиковать взрослых...»

«...Покажется им, что всё знают, и заважничают».

Давно, очень давно я хотел написать такую книжку, да все откладывал.

Ведь это первый опыт.

Опыт может и не удался.

А если даже и удастся, промахи неизбежны. У того, кто делает что-либо новое, должны быть ошибки.

Я буду начеку. Постараюсь, чтобы книжка вышла занимательная, хотя это и не описание путешествия, и не историческая повесть, и не рассказ о природе.

Я долго думал и все не знал, как назвать книжку. Пока один мальчик не сказал:

– Много у нас, у ребят, огорчений, оттого что мы не знаем, как правильно жить. Иногда взрослые объяснят спокойно, а больше сердятся. А ведь неприятно, когда сердятся. Понять трудно, спросить нельзя. И в голову лезут разные поперечные мысли.

Так и сказал: «Поперечные мысли».

Я взял лист бумаги и написал:

«Правила жизни».

И вижу: правду мальчик сказал, хорошо получилось.

И я составил план.

Я напишу о доме, о родителях, о братьях и сестрах, о домашних развлечениях и огорчениях.

Потом – об улице.

Потом – о школе.

Потом я напишу о ребятах, которые думают про то, что они видят дома, на улице и в школе.

Каждый из вас ведь не только играет, но и смотрит, и слушает, что говорят другие, и сам размышляет.

Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга.

Одни предпочитают авантурные романы, сказки, необыкновенные приключения, печальные или смешные. А другие говорят, что самые занятные книжки – это как раз научные... По школьному учебнику учатся, повесть – та читается легко, а научная книга заставляет человека самого много думать. Немножко прочтет, а потом вспоминает разные вещи, а иной

¹ Судьба этого дневника чуть менее драматична, чем судьба его автора. 6 августа 1942 года Старый доктор вместе с двумя сотнями детей и сотрудниками еврейского дома сирот прошли последним маршем по улицам Варшавы до вокзальной площади, места сбора, откуда евреев товарными поездами направляли в лагерь смерти Трешлинка. В тот же день к другу и ученику Корчака поступался незнакомый мальчик и вручил ему сверток с записями. Дневник Януша Корчака был надежно спрятан и опубликован только в 50-х годах.

раз и удивляется, и размышляет, так ли это на самом деле. Ведь бывает, что один говорит одно, а другой другое.

У ребят свои дела, свои огорчения, свои слезы и улыбки, свои взгляды – молодые, молодая поэзия.

Часто ребята прячутся от взрослых, стыдятся, не доверяют, боятся, что станут высмеивать.

Ребята любят слушать разговоры взрослых и очень хотят знать.

Хотят знать правила жизни.

Самые близкие нам люди

Первое слово младенца – «мама».

Не помню, сказал ли мне кто, в книге ли я прочел, что самое древнее слово, которое придумали первобытные люди, было именно «мама», а потому слово «мама» похоже во многих языках.

По-гречески – метер², по-латыни – mater, по-французски – mère, по-немецки – Mutter.

Моя мама – ma mère – meine Mutter – mea mater – миа метер.

Уже младенец знает свою мать. Еще ни говорить, ни ходить не умеет, а уже тянет ручонки к матери. Узнаёт ее и на улице, когда она подходит, еще издали улыбается. Даже ночью узнает по голосу, по дыханию. Даже слепые от рождения и ослепшие дети, касаясь рукой лица матери, узнают ее и говорят: «Мама, мамуся, мамочка».

Один мальчик сказал так:

– Я и раньше думал, только теперь мысли у меня трудные. А когда я был маленький, мысли были легкие.

Какие же это «легкие мысли» о матери?

Мама добрая, веселая, или сердитая, или печальная, здоровая или больная. Мама позволяет, дает, запрещает, хочет или не хочет.

Позже видишь и других матерей, не только свою. И узнаёшь, что есть матери молодые, веселые, улыбающиеся, есть озабоченные, усталые, заработавшиеся, есть очень образованные и не очень, богатые и бедные, в шляпе или в платке.

Неприятно, если мама вышла и долго не возвращается. Бывает, мама каждый день ходит на работу или надолго уедет. Тяжко думать, что есть на свете сироты.

А еще позже услышишь или прочтешь в газете, что какая-то мать подбросила ребенка. Он даже не помнит мать, и нет у него фотографии и ничего на память. И так поступила как раз мама, та, которая должна быть самой близкой, еще ближе, чем отец!..

Папочка, папа.

И опять: «легкие» мысли про то, что отец работает, получает деньги и дает маме. Но не всегда так. Случается, отец болен или не может найти работу. Иногда отец работает дома, иногда – где-нибудь в городе, или часто ездит в другой город, или уехал далеко-далеко и только шлет письма.

«Легкие» мысли бывают тогда, когда родители здоровы, дома всё есть, все живут дружно и нет огорчений.

Я, пишущий эту книгу, знаком с очень многими семьями, и в каждом доме хоть немножко, да по-другому. И мои взрослые мысли очень трудные и длинные. Ты, любезный читатель, можешь сосчитать, сколько у тебя знакомых домов и товарищей. Я уже не могу – много, очень много.

Я знаю мальчика, живущего у бабушки, и девочку, которую взяла к себе тетка. А очень многие дети живут у совсем чужих людей: в лечебницах, интернатах, приютах, пансионах.

Родители живут в деревне, где нет школы, поэтому отправляют ребенка в город. Или родители в городе, а доктор велел устроить ребенка на курорт.

В школе знакомишься с ребятами, говоришь с ними и узнаешь каждый раз что-то новое. Читаешь книги и начинаешь понимать, что людям живется по-разному: одним – хорошо, другим – плохо.

² Так у автора. «Мама» по-гречески – μητέρα [метэра], μαμά [мамá].

Каждый хочет, чтобы дома у него все были спокойные, веселые и не было огорчений. Но надо примириться с тем, что не всегда и не все хорошо. Один день радостный, другой печальный, одно удастся, другое нет. То солнце светит, то дождик идет.

– Ничего не поделаешь, такая уж жизнь, – сказал один мальчик.

Что лучше – быть у родителей одному или иметь брата? Или сестру? Лучше быть младшим или старшим?

Ребенок был в семье один, а потом родился братишка. Радоваться этому?

Может быть маленький брат, большой брат и почти взрослый. Может быть один старший, другой младший. Маленький брат, большая сестра. Большой брат, маленькая сестра...

Что лучше? Я не могу ответить – не знаю, и никто этого не знает.

– А ты как хотела бы?

– Я хотела бы, чтобы было так, как есть, – сказала одна девочка.

Бывают люди всегда веселые, всегда довольные. Им все нравится. У них и в мыслях нет, чтобы что-то было по-другому. А другие часто и легко сердятся.

Если можно что-нибудь изменить, стоит об этом поразмыслить; если же все должно остаться так, как есть, не надо дуться как мышь на крупу. И уж всегда можно жить дружно и с маленькими, и с большими, и с братом, и с сестрой – и это действительно зависит от нас самих.

Я знаю одного мальчика, у него был больной брат. Удивительная была болезнь. Даже родителям казалось, что он просто непослушный, невоспитанный, своевольный. Ходил, ел, спал, как все, только ни минуты не мог усидеть на месте и все трогал, хватал, портил. Если он что-нибудь хотел, а ему не давали, он бросался на пол, колотил по полу ногами, плевался, кусался и кричал так громко, что раз даже полицейский пришел – думал, мальчишку избивают, а над детьми издеваться воспрещается.

Лишь тогда родители вызвали докторов.

– Балованный, капризный – это верно. Но он болен – нервный, не понимает.

– Что делать?

– Надо отдать в специальное заведение, для дома он слишком труден. Вы с ним не сладите. Надо знать, как с таким обращаться. Станете уступать – будет хуже. Этого недостаточно – только не раздражать.

Родителям жалко было отдавать больного мальчика.

Я сказал:

– Вы должны думать о здоровом. Общество больного брата для него вредно.

И тогда этот маленький мальчик закричал:

– Я не хочу, чтобы его из-за меня увозили! Пусть остается, я отдам ему все игрушки. Там, я знаю, там его будут бить.

Я написал об этом совсем не потому, что все обязаны так поступать. Можно требовать доброты, но не самопожертвования.

Братья и сестры могут жить дружно, но не надо удивляться, что время от времени возникают ссоры. Из-за чего? Из-за мяча, из-за места за столом, из-за чернил. Кому первому мыться, кто должен поднять бумажку. Один хочет петь, а другой – чтобы было тихо. Один хочет играть, а другой – читать.

Бывают ссоры, когда сразу видно, кто прав, а кто неправ, и такие, когда это не очень-то ясно. Тогда один должен уступить, добровольно или по приказу. Иной раз ребята и подерутся, и поплачут.

А хуже всего – это когда маленький мешает старшему делать уроки. Толкает, надоедает, лезет на стол, трогает чернильницу. Старшему хочется поскорее кончить, ведь не каждый может долго сидеть и все время думать. Он пишет, малыш подталкивает, а в школе попадает за то, что писал не старательно.

Не всегда у взрослых есть время и терпение точно дознаться, как было дело. И они говорят:

– Уступи малышу!

Или:

– Уступи девочке.

Или:

– Старшему следует уступить.

Я убедился, что самое худшее как дома, так и в школе – это вынужденные уступки. Они действуют лишь на короткое время. Потом будет еще хуже. Несправедливость раздражает. Остается чувство досады. Остается обида. Я убедился, что лучше совсем не вмешиваться, чем судить, не разобравшись в причине распри. Взрослым иногда кажется, что ссора вышла из-за сущего пустяка. Из-за чепухи... Нет. Братья и сестры часто добровольно уступают и прощают. Нередко взрослые жалуются, что:

– Целый день они ссорятся.

– Вечно они ссорятся.

– Не перестают ссориться.

– Ни минуты без ссоры.

Преувеличение.

Если подсчитать, то у недружных братьев и сестер выпадет две-три-четыре ссоры на день. Допустим, каждая ссора длится пятнадцать минут, значит, все вместе – час. Час – это много, но не целый же день. И, может быть, лучше один час войны, чем постоянная злость и тихая, все возрастающая неприязнь.

Я убедился, что пренебрежительное отношение старших братьев и сестер к младшим обижает и сердит.

И наоборот, сердит и раздражает, когда младшие требуют для себя прав, какими пользуются старшие.

– Я тоже хочу, – говорит малыш.

– Раз так, тогда ни тот, ни другой!

И из ложного принципа равенства или для примера старшему что-нибудь не дают или не позволяют. И если после возникнет ссора, дело тут не в пустяках, а во взаимной неприязни.

Бывают дни хуже и лучше. Уже было гораздо лучше, совсем хорошо, и вдруг опять начинают.

Почему? Прежде чем что-нибудь предпринять, надо изучить, узнать, расспросить, потому что как можно, не зная, советовать и поучать? Я убедился, что не следует спешить на помощь. Лучше подождать, пока ребята успокоятся.

Я убедился, что добра больше, в десять раз больше, чем зла, и поэтому можно спокойно переждать, когда злость пройдет. Не только человек – каждое живое существо предпочитает мир войне, и, значит, не следует обвинять детей в пристрастии к ссорам.

Если в семье есть бабушка и дедушка, может быть, это для ребят лучше. Если мама сегодня сердитая – может быть, бабушка утешит; мама откажется – может быть, бабушка поможет. У бабушки больше времени – значит, выслушает внимательнее. Любопытно рассказывают старые люди. И вообще как это удивительно: бабушка помнит маму маленькой девочкой, а папу – юношей. А еще раньше бабушка сама была ребенком.

Помнит старые времена. Другие тогда были улицы и дома, другие лампы и часы, даже люди были другие. Не было многих изобретений, и книг, и игрушек, развлечений. И из людей одни уже умерли, других еще не было на свете...

И приходят в голову «трудные» мысли – уже не только о том, что сейчас есть, а и о том, что было и что будет. Удивительно...

Дом – квартира

Люди живут в больших городах, маленьких городишках и в деревнях.

Родным домом может быть хата, усадьба, комнатка в деревянном доме, комната или несколько комнат в высоком каменном здании, дворец.

Дом может быть собственностью родителей или сниматься у домовладельца, которому ежемесячно платят за квартиру. Кто не может платить, должен съехать. Маленькие дети ничего этого не знают, их «легкие» мысли такие: «Здесь мои мама и папа, здесь моя кровать и игрушки, здесь я сплю и ем и спешу сюда, когда холодно и идет дождик». Как птица в свое гнездо. И только позже ребенок знакомится с другими квартирами – смотрит и немножко смущается, немножко боится. Видит других мам, другие столы, кровати и шкафы. Удивляется, думает, сравнивает и, наконец, твердо знает.

Уже большой мальчик из небольшого городка сказал:

– Я думал, в Варшаве высокие горы, и море, и корабли, и кругом одни памятники, как на кладбище. Сам не знаю, что я думал.

Часто правда переплетается со сном и сказкой. Одна большая девочка сказала:

– Я не могу себе представить, как это люди живут зимой в деревне. Кругом снег, холодно, а они сидят там!

Только когда человек хорошо познакомится со своим жилищем, он начинает интересоваться тем, что далеко и по-другому. Как бы путешествует мысленно по неведомым странам.

Ребенку изрядно приходится потрудиться, чтобы узнать свой дом. Кто постарше, тот даже уже и не помнит, как он разглядывал комнату, пол, потолок и стены, сколько видел непонятных вещей, сколько его подстерегало неожиданных сюрпризов и тайн.

Удивительная лампа, не одинаковая днем, вечером и ночью.

Часы, которые тикают и бьют. Что в них, почему и зачем? Мама взглянет на часы и знает, что скоро придет папа. Словно часы знают, что делается вне дома, знают, когда будет темно, и бьют, чтобы люди ели, ложились спать, вставали. Ни на минуту не перестают шептаться на стенке.

Удивительное зеркало. Совсем не такое, как картина. В нем можно увидеть разные вещи. Если перед зеркалом встанет мама, будет две мамы.

– А это я!

Ребенок поднимает руку, высовывает язык, держит кошку, приподнимает фартучек – в зеркале то же самое.

Висят картины и фотографии – и что-то говорят и объясняют, а малыш любит их или не любит, радуется или боится.

Опрокинул стул – испугался, больно; упал, ушибся о стол, о шкаф. Свалился откуда-нибудь. Ударили дверью. Обжегся о плиту. И плита тут что-то делает, все тут что-нибудь да значит. Иногда хорошо и весело, а иногда бранят. За что?

Говорят, что испортил, сломал, запачкал. Приключается с малышом и беда: написал на пол, сам не знает, как это вышло. Опять огорчение.

Но бывают и победы: впервые сам влез на подоконник, впервые дотянулся до дверной ручки, впервые дорвался до щетки и метет пол или вытирает тряпкой пыль.

Ребенок постарше, который ходит в школу, уже все это забыл. А жаль: помни он, как ему самому было трудно, не судил бы малыша строго.

Покажу на примере, что и старшим детям не все понятно. Почему, например, взрослые не позволяют прыгать на диване? Говорят: «Портится», а ведь это вовсе не так. А уж как приятно прыгать, как высоко подбрасывают пружины!

Дети не знают, что есть дорогие вещи, которые покупаются на долгие годы. Диван от прыгания сразу не испортится, но через год-другой порвутся веревки, которыми связаны пружины, и придется платить обойщику за починку, а то и за новую обивку.

Малышу родители иногда позволяют попрыгать – не хочется запрещать, и малыш легкий, не так уж испортит. А на большого очень сердятся – денег нет на ремонт.

Родители сердятся, если царапать ножиком стол, щелкать выключателем, зажигать спички, играть в комнате в мячик. И, надо признать, они правы.

Помню, я разбил, играя в мяч, дорогую вазу. Долго удавалось мне ничего не бить – может быть, целый год. Я обещал бросать мячик только об пол, и мама позволила. И вот то ли я слишком сильно ударил, то ли забыл об обещании. Ваза дрогнула, закачалась и упала.

Когда ребята приходят ко мне в комнату, я всегда ставлю лампу и будильник в безопасное место. Не хочу, чтобы у ребят были неприятности, а у меня – убыток. И всем советую так делать: лучше вовремя отодвинуть чернила, чем сердиться, что пролили.

Взрослые не очень любят, когда у ребят гости, и хотят знать, спокойные ли твои товарищи и хорошо ли воспитаны. И сердятся, если что-нибудь приключится: пригласил, мол, озорников. А ведь неприятно отказывать, когда товарищ просит:

– Я приду к тебе?

Тихому мальчику даже чай пролить неприятно, а уж всегда так бывает, что, когда слишком стараешься, что-нибудь да не выйдет. Поэтому тихие не любят ходить по знакомым, предпочитают поскучать. А все потому, что не знают, как навещать товарищей и как принимать, чтобы и гостя не обидеть, и самому не иметь неприятностей. А жаль...

Плохо, что как раз у хороших ребят всегда столько опасений, а бесстыжим на все плевать и именно у чужого они делают все то, что им запрещают дома.

Один мальчик пригласил к себе товарищей. Конечно, мама позволила. Но пришел один непрошенный. Даже в школе он всегда играл как-то дико, и его прозвали Бешеный. А что было делать – гость!

Хорошо поиграли. Только тот разошелся и разбил большое зеркало, и мама велела всем убираться вон.

– Ты зачем его звал?

– Вот именно что не звал.

– Надо было так ему и сказать.

Мальчик не знал правила, которое учит, что не с каждым можно быть деликатным.

А я знаю случай, когда гость взял у мамы со столика золотые часы.

Где большая квартира, там легче. Тогда дети и взрослые меньше мешают друг другу. А чем больше народу и теснее, тем больше огорчений, запретов и убытков. Кто виноват? Никто.

Я читал в книжке, что, когда у тебя неприятность и ты знаешь, из-за чего она, тебе уже не так больно. А маленькие не знают.

Там, где есть отдельная детская, реже скажут: «Не бегай, не шуми».

Хотя и не всегда так бывает: богатые менее терпеливы, больше думают о своем покое и удобстве.

Очень трудно сказать, где лучше.

Один мальчик, у которого семья ютилась в одной комнатухе, побывал в гостях у богатого товарища и сказал так:

– Хорошо там. У него своя комната. Всякие ковры, картины. Игрушек столько... Только я не хотел бы там жить. У нас лучше, веселее.

Иногда человеку кажется, что он хочет, чтобы все было по-другому, не так, как есть. Как бы завидует – тому, мол, лучше. Но на самом деле редко кто пожелал бы быть другим, иметь другую маму и жить в другом месте. Не хочется, чтобы все было совсем по-другому. Хочется

только немножко изменить, подправить. А впрочем, люди бывают разные: один больше привязан, другой – меньше.

В тесной квартире могут царить любовь и согласие и быть весело, а в большой – жить недружно, одни строгости да скука. Одиноким ребенок может быть и тут и там.

Трудно даже сказать, лучше жить в большом городе или в маленьком. В маленьком дети боятся пожара, в большом – машин и воров. В большом больше развлечений, книжек, кинотеатров, зато в маленьком – дальние походы, хорошие весна и осень, больше цветов, птиц.

Как приятно ухаживать за растениями, сколько радости, когда сажаешь в горшки семена и они всходят, строгаешь подпорки, пересаживаешь, поливаешь,ставляешь под дождик, окуриваешь!

А канарейка в клетке, а рыбки в аквариуме или хотя бы в банке? А в маленьком городке – и голуби, и кролики, и собаки, и цыплята...

– Я хочу, чтобы было так, как есть, – сказал один мальчик.

Иногда родители живут в деревне. Там, где жили еще и дедушка, и прадедушка.

Взрослые говорят, что маленькие любят переезжать. И я раньше так думал. Но нет.

Иногда переезжать весело. Всякий радуется, когда на лето едет в деревню. И каникулы, и лето, и не навсегда.

Хорошо переехать в более веселый дом, где есть балкон, больше окон и ближе парк. И родители довольны – говорят, что будет удобно. Но даже и тогда жалко дом, который ты знаешь, и соседей. Пусто делается, когда выносят вещи...

А бывают и совсем невеселые переезды, когда кто-нибудь умер или у родителей стали плохи дела.

Часто переезд вызывает тревожное чувство: как-то будет в чужом городе, в дальнем краю? Неужели никогда я не увижу того, что было?

Не всегда маленькие быстро забывают и привыкают. Иногда у взрослых, занятых на новом месте новыми делами, нет времени думать о прошлом. А ребенок тоскует.

Взрослые дома

Дома, кроме мамы и папы, бывают еще горничная, кухарка, иногда няня или бонна, гувернантка или гувернер.

Нелегко сразу понять, как со всем этим народом ладить. Столько надо людей узнать, чтобы не попасть в беду!

Надо прямо сказать, иногда родители многое позволяют, делают мало замечаний, а иногда действительно слишком уж часто слышишь: «Не смей, нельзя, не тронь, перестань, не так, потом». Или: «Поди, возьми, играй, ешь, спи».

Одному легко слушаться, другому трудно. Спокойному ребенку легче, а беспокойный сердится.

Говорит: «Мучают, надоедают, покоя не дают, над душой стоят, лезут».

А взрослые про такого: «Непослушный, плохой, баловник».

Вот тогда-то и приходят (как сказал один мальчик) «поперечные мысли». То есть хочется делать наперекор.

А взрослые знай свое: «Упрямый, строптивый, пакостник, озорник».

Но маме, а еще больше папе приходится уступать. Обычно, хотя и не всегда, более строг бывает отец. Так ли, эдак ли, только каждый знает, что у мамы и у папы есть право приказывать и запрещать.

На маму и папу трудно долго обижаться. Нельзя сказать, чтобы их не любили.

Вот ребенок и старается, а если надо, повинится и попросит прощения. Даже тогда попросит, когда не считает их вполне правыми.

Иногда бабушка слишком снисходительна и можно не слушаться. Но потом бабушку делается жалко. Да и опасно: выйдет из себя и нажалуется маме или папе.

А свяжись со взрослым братом или сестрой – наверняка поколотят...

А тут еще горничная с жалобой. Правда это, что всегда всех надо слушаться и каждый имеет право всегда и во все вмешиваться?

Я знал прислугу, которая говорила:

– Люблю работать, где есть дети, – веселее.

Но чаще прислуга говорит:

– Ни за какие сокровища не пойду туда, где дети.

И, надо признаться, здесь у прислуги действительно больше работы, потому что кто все делает, убирает, натирает залитый и исцарапанный пол?

Кухарка торопится приготовить вовремя обед, или идет стирка, а тут ребятишки вертятся на кухне – ну и кухарка, конечно, выгоняет...

Если ребенок беспокойный и дома ему тесно и нечего делать, частенько затевается война с прислугой или бонной. Начинается обычно с пустяков: ребенок ли скажет что-нибудь в сердцах, прислуга ли обзовет нехорошим словом – и пошло-поехало...

Родители жалуются:

– Грубит прислуге, делает все назло бонне. Никто у нас жить не хочет.

Родители выходят из себя и сердятся то на мальчика, то на прислугу. Ведь родители не всегда знают точно, как это было. А тогда еще больше зло берет.

Как-то девочка вернулась домой разобиженная:

– Подруга позвала к себе в гости. Я позвонила, поздоровалась и спросила: дома ли она? А прислуга захлопнула дверь перед носом и еще что-то крикнула за дверью.

Конечно, бывает и по-другому. Не только мир, но и дружба, и сказки, и прогулки, и подарки, и угощения. И все это весело, от души. Я знаю случай, когда дети научили прислугу читать и пишут за нее письма ее родителям в деревню и жениху в армию.

Раз даже, когда один отец очень уж разнервничался и собирался побить сына, няня заступилась:

– Что вам от него надо? Не дам бить.

Предпочла, чтобы лучше сердились на нее. По-разному ведь на свете бывает.

Но в своих «Правилах жизни» я должен больше писать о плохом, чтобы каждый подумал, как это исправить. Поэтому я только вкратце упомяну, что чаще всего согласие царит в тех домах, где есть гувернантка или бонна. Ну, столкновения-то, конечно, иногда должны быть. Надо помнить, что мамой легче быть, чем воспитательницей.

Если мама позволит, а потом что-нибудь случится, на маму сердиться не станут. Когда у мамы неприятность, дети знают, чем она расстроена, а про воспитательницу думают, что злится.

Когда мама велит, дети скорее послушаются. Так что неудовольствий как раз столько, сколько и должно быть у людей, которые всегда вместе. Но они любят друг друга и долго зла не помнят.

Но бывает, дети плохие, докучают. Я знаю случай, когда мальчик говорил, что бонна его бьет, а это была неправда. Или делал назло и грозил пожаловаться маме.

Я знаю и такие случаи, когда дети страдали, но стыдились или боялись признаться в этом родителям.

Я читал в газете, что за границей был один очень богатый граф. У него умерла жена, и он с горя много путешествовал, а дома оставались под присмотром гувернера два мальчика. Гувернер бил их и пугал, а зимой обливал водой и запирали раздетых на ночь в чулан. И только когда один умер от этих мучений, другой написал потихоньку отцу. Был суд, гувернера посадили в тюрьму, да было уже поздно.

Правило жизни гласит:

Никогда ничего не скрывать от родителей.

Иногда ребенку кажется, что он беспомощен и незащищен. Но если бы родители всё знали, то помогли бы.

Иногда ребенку кажется, что и он виноват. Ничего, родители простят и помогут. А нет родителей – можно пожаловаться тетке, дяде, бабушке, даже полиции, если уж совсем никого нет.

Неприятно это слушать тому, кому хорошо, кого окружают любящие люди? Что ж, пускай знает, не будет тогда кукситься по пустякам...

Разные люди бывают на свете: и взрослые, и подростки, и малыши. Разные люди бывают и тети, и дяди. И взрослые гости.

Чужие тети бывают приятные и неприятные. Вообще, взрослые, точно так же, как и твои ровесники, делятся на тех, кого ты любишь и кого не любишь.

Один только поздоровается, а потом все с мамой разговаривает; иногда даже обидно, что не обращает внимания. А другой отпустит неудачную шутку или задаст вопрос, на который не всегда хочется отвечать: «А ты это любишь, а ты это умеешь делать, а ты это хочешь?»

Или с подарком придет. Взрослым кажется, что дети – лакомки и жадные. Нет. Если кого не любишь, тогда и подарок от него не мил.

Хуже, когда гости вмешиваются, делают замечания. И уж хуже всего, когда ласкают и целуют. Или руку тебе так крепко стиснет, что больно, или обслюнявит, целуя, или посадит на колени. По какому праву?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.